

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

SUB SPECIE TOLERANTIAE

*Памяти
В. А. Туниманова*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2008

ния в суть бытия без пристального любования каждой мелочью Творения — сосновой иглой, копытом лошади, хлебным зерном.

Трудно сказать, насколько адекватно реальности такое толкование античного мировоззрения, важно то, что здесь сформулирована программа самого Розанова: радоваться Божьему миру, ценить каждую мелочь Бытия, восхищаться ею и не уставать петь осанну Творцу, так дивно все придумавшему. Записи, составившие содержание главных книг Розанова, от «Уединенного» до «Апокалипсиса», полностью ей соответствуют: частный эпизод, сюжет, наблюдение не просто выхвачены из потока действительности острым глазом художника, но непременно пережиты им с волнением и любовью к Творцу, с болью и гневом на любую хулу Его творению.

«Взгляните на растение. Ну там „клеточка в клеточке“, „протоплазма“ и все такое. Понятно, рационально и физиологично.

„Вполне научно“.

Но в растении, „как растет оно“, есть еще художество. В грибе одно, в березе другое: но и в грибе художество, и в березе художество.

Разве „ель на косогоре“ не художественное произведение? Разве она не картина ранее, чем ее можно было взять на картину? Откуда вот это-то?!

Боже, откуда?

Боже, — от Тебя».¹⁴

Каждая запись Розанова — торжественная ода Создателю, даже тогда, когда содержит в себе яростную инвективу в адрес Его противников. Разные по объему и содержанию записи эти слагаются в единую Песнь песней, страстную и полнозвучную, это те лепта и обол, которые идут на строительство великого и прекрасного храма.

Безусловно, в основе жанра «Уединенного» и «Опавших листьев» — *литературная душа* Розанова, его *физиология писателя* (по остроумному замечанию Н. А. Бердяева¹⁵), но без *труда и опыта коллекционера*, знатока и любителя античных монет, здесь не обошлось.

¹⁴ Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый. С. 391.

¹⁵ «Писательство для него есть биологическое отправление его организма» (Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 32).

У. Шмид

«МЫ» ЗАМЯТИНА Опыт аполитического прочтения

Книги имеют свои судьбы, и судьбой романа Евгения Замятина «Мы» было предвосхитить тоталитарные диктатуры XX столетия литературной дистопией. Действительно необычная пророческая сила текста отодвинула на задний план другие возможности прочтения и сузила роман в конце концов до политической аллегории.¹ Свой вклад в эту интерпретацию внес сам автор, который написал в 1922 г. в предисловии к роману:

«Дальше — есть хорошие люди, мечтающие до безгосударственного строя доехать в спальном вагоне эволюции. Эти хорошие люди забывают о диалектике, о неизменном законе социальной инерции: государство переживет себя и свои задачи, но, конечно, добровольно умереть не захочет — и снова молнии, бури, пожары. Таков этот закон, вечно украшающий грозным „р“ мягкое „эволюция“. Еще очень далекое, сейчас еще, может быть, никому не слышное дыхание этой грозы — на следующих страницах».²

Широко распространенный наивный читательский интерес, выдвигающий на первый план идеологическое содержание романа «Мы», остается, однако, слепым по отношению к

¹ В общеупотребительных литературных лексиконах почти без исключения подчеркивается политическое толкование романа. Примером политического прочтения романа может служить: Foniok J. Szkic o antyutopii: Sylwetka bohatera antiutopijnego na tle społeczeństwa totalitarnego w utworach E. Zamiatina, A. Huxleya i G. Orwella // Slavica Wratislaviensia. 2003. N 123. S. 39–60.

² См.: Янгиров Р. М. К истории издания романа «Мы» // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 174.

модернистскому потенциалу текста.³ Между тем стойкое внимание, уделяемое в течение десятилетий замятинскому роману литературоведением, можно расценить как показатель наличия и других смысловых уровней, которые не поддаются определению в социологических или политических категориях.⁴ Заслужо прежде всего американской славистики является исследование интертекстуальных,⁵ мифических⁶ и символических⁷ текстовых структур в романе «Мы». Перенос познавательного интереса в этом случае четко можно проследить по различным интерпретациям заглавной метафоры: если «Мы» традиционно трактуется как собирательное местоимение,⁸ то современные авторы указывают на множественность этого понятия.⁹

Опираясь на результаты исследований, обобщенные Райнером Гольдтом в его обширной монографии о творчестве Замятина,¹⁰ я попытаюсь показать внутреннюю логику текста. Тезис интерпретации заключается в следующем: роман «Мы» может быть прочитан как записанные фантазии шизофренической личности, причем отдельные инстанции сознания представляются самостоятельными действующими лицами. Подобный проект характеризует высочайшая степень амбивалентности: с одной стороны, именно разнообразность личности гарантирует живое многообразие эмоционального жизненного опыта, с другой стороны, только строгий порядок может остановить распад я. В психоанализе это называется *double bind*: субъект чувствует себя разорванным между двумя взаимоисключающими позициями и не находит возможности разрешить

³ «Мы» часто интерпретируется как социальная критика, которая совмещает реализм с научной фантастикой, см.: Пьяных М. Ф. «Мы» Е. Замятина в контексте русской литературы революционной эпохи 1917–1921 годов // Пьяных М. Ф. Трагический XX век в зеркале русской литературы. СПб., 2003. С. 224–242.

⁴ Goldt R. Thermodynamik als Textem : Der Entropiesatz als poetologische Chiffre bei E. I. Zamjatin. Mainz, 1995. S. 289f.

⁵ Gregg R. A. Two Adams and Eve in the Crystal Palace: Dostoevsky, the Bible and «We» [1965] // Zamyatin's «We»: A Collection of Critical Essays / Ed. G. Kern. Ann Arbor, 1988. P. 61–69.

⁶ Collins C. Zamyatin's «We» as Myth [1966] // Ibid. P. 70–79.

⁷ Cooke L. B. Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's «We» // Ibid. P. 149–168; Andrews E., Lahusen Th., Maksimova E. On Sintetizm, Mathematics and other things: E. I. Zamyatin's Novel «We». SPb., 1994.

⁸ Etkind E. La «poésie de Nous» et le roman «Nous autres» // Autour de Zamiatine. Actes du Colloque Université de Lausanne. Juin 1987 / Hrsg. L. Heller. Lausanne, 1989. P. 67.

⁹ Borenstein E. The Plural Self: Zamyatin's «We» and the Logic of Synecdoche // Slavic and East European Journal. 1996. N 40. P. 669.

¹⁰ Goldt R. Thermodynamik als Textem.

этот конфликт в метадискурсе. Таким образом, роман «Мы» может быть прочитан как документ неудавшейся интеграции личности. Текст романа — серия фиктивных дневниковых записей — знает лишь два дискурса: с одной стороны, официальный, рациональный, однозначный дискурс коллектива и, с другой стороны, частный, инстинктивный, противоречивый дискурс индивидуума. Метадискурс, который мог бы прояснить соотношение обоих дискурсов отсутствует. Задачей читателя становится создание этого метадискурса в акте восприятия (в этой особенности текста кроется еще одна причина широкого диапазона возможных интерпретаций романа «Мы»).

Доводы в пользу допустимости намеченного здесь толкования — следующие. Во-первых, спроектированная романная действительность оказывается плодом воображения, во-вторых, отдельные действующие лица происходят от расщепления единственного субъекта высказывания и, в-третьих, примененные дискурсы отражают ситуацию *double bind*.

1

Уже во второй записи романа встречается ясное указание на онтологический статус изображенной реальности:

«И так: будто не целые поколения, а я — именно я — победил старого Бога и старую жизнь, именно я создал все это, и я как башня, я боюсь двинуть локтем, чтобы не посыпались осколки стен, куполов, машин...».¹¹

Романная действительность здесь определяется как творение субъекта высказывания. Позднее власть рассказчика от первого лица распространяется на всех действующих лиц романа:

«И что это за странная манера — считать меня только чьей-то тенью. А может быть, сами вы все — мои тени. Разве я не населил вами эти страницы — еще недавно четырехугольные белые пустыни. Без меня разве бы увидели вас все те, кого я поведу за собой по узким тропинкам строк?» (3, 189).

Поэтологическое обобщение этого высказывания находим в докладе Замятина «Психология творчества» (1919–1920),

¹¹ Замятин Е. Соч.: В 4 т. Мюнхен, 1988. Т. 3. С 116. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

который создавался в период работы над романом «Мы». Здесь Замятин указывает на галлюцинаторное состояние писателя во время творческого процесса. Первичный конструктивный принцип литературного произведения состоит, по его словам, в ассоциации и следует логике сна:

«Моменты творческой работы — очень похожи еще вот на что: на сновидения. Тогда сознание тоже наполовину дремлет, а подсознание и фантазия работают с необычайной яркостью. (...) При творческой работе — мысль, как и во сне, идет путем ассоциаций» (4, 370—371).

Спустя еще десять лет Замятин, отвечая на анкету Издательства писателей в Ленинграде о принципах литературного творчества, указывает на полусознательный характер акта писания:

«Я вижу сон на бумаге, фантазия работает так же, как во сне, она движется тем же путем ассоциаций, но этим сном осторожно (...) руководит сознание. Как и во сне — стоит только подумать, что это сон, стоит только полностью включить сознание — и сон исчез» (4, 299).

В контексте романа «Мы» мотив демиургической власти рассказчика сопрягается с любовью к I-330. Этот ход одновременно и проясняет, и маскирует: именно вследствие того, что мечтаемое сотворение мира является ходовой любовной метафорой, Замятин обнажает здесь свой художественный прием ненарочито, без ослабления политической силы своего романа:

«Я совершенно ясно чувствую, как тают, тают ограничивающие меня в пространстве шлифованные грани — я исчезаю, растворяюсь в ее коленях, в ней, я становлюсь все меньше — и одновременно все шире, все больше, все необъятней. Потому что она — это не она, а вселенная. А вот на секунду я и это пронизанное радостью кресло возле кровати — мы одно: и великолепно улыбающаяся старуха у дверей Древнего Дома, и дикие дебри за Зеленой Стеной, и какие-то серебряные на черном развалины, дремлющие, как старуха, и где-то, невероятно далеко, сейчас хлопнувшая дверь — это все во мне, вместе со мною, слушает удары пульса и несется сквозь блаженную секунду...» (3, 197, ср. также: 159).

Подобная концепция имеет далеко идущие последствия: общая декорация «Мы» начинает читаться и как ландшафт души. Отдельные места действия развивают дополнительные смысловые потенциалы, которые проявляются как психиче-

ские инстанции. Для трактовки этих инстанций подходит фрейдовская терминология: Зеленая Стена закрывает подсознательную, инстинктивную сферу *оно* (Es) от сознательного *я* (Ich), которое у Замятина носит имя D-503. *Сверх-я* (Über-Ich) изображается как тоталитарный общественный строй Единого Государства — в нашем прочтении внешнее давление осознается как внутреннее принуждение. Политическая субверсия «Мефи» проявляется как аллегория дестабилизирующей деятельности подсознательного, в то время как от *сверх-я*, напротив, исходит стабилизирующее воздействие: Здесь лежит антропологическая предпосылка романа:¹² фантазирующее сознание характеризуется высокой степенью лабильности. На разных этапах развития действия подверженное влиянию *я* управляется то через *оно*, то через *сверх-я*. Идентичность *я* напрямую зависит от доминантного модуса управления: только когда D-503 ведет себя в рамках правил, он ощущает себя идентичным самому себе: «Я — был я» (3, 150, 214). Напротив, встреча с представительницей Мефи I-330 приводит к потере *я*, к диффузии идентичности:

«Не было розового талона, не было счета, не было Единого Государства, не было меня. (...) И тишина — только в углу — за тысячи миль — капают капли в умывальнике, и я — вселенная, и от капли до капли — эры, эпохи...» (3, 160).

Не только *я* оказывается переменным, но и внешние условия его существования. В романе «Мы» организация пространства и времени соответствует состоянию центрального сознания. Замятин применяет при этом художественный прием, который уже был использован Андреем Белым в романе «Петербург». У Андрея Белого «мозговая игра» протагониста также конституирует определенную эластичную реальность, система координат которой может как угодно растягиваться и сжиматься. В одной статье 1922 г. Замятин охарактеризовал это искусство как синтез символизма и реализма и выступил за необходимость новой поэтики, которая художественно воплощает «произведенное Эйнштейном геометрически-философское землетрясение» (4, 286).¹³

¹² К вопросу об антропологической предпосылке см.: Gerigk H.-J. Entwurf einer Theorie des literarischen Gebildes. Berlin; New York, 1975. P. 11—15.

¹³ Leatherbarrow W. J. Einstein and the Art of Yevgeny Zamyatin // Modern Language Review. 1987. N 82. P. 148.

«Эйнштейном сорваны с якорей самое пространство и время. И искусство, выросшее из этой сегодняшней реальности, — разве может не быть фантастическим, похожим на сон?» (4, 285—286).

2

D-503 существует в частной реальности, правила и персонажи которой возникли в его фантазии. Смысл этой фантазируемой действительности должен заключаться в удовлетворении основополагающих потребностей души D-503. Для того чтобы показать психологическую достоверность этой фантастической системы образов, необходимо изобразить важнейшие страхи и компенсации сознания D-503, продуцирующего образы. При этом необходимо различать явные и только желаемые компенсации. Уже в первой записи романа D-503 представляется в роли, которая в рамках Единого Государства обеспечивает ему высочайший социальный престиж: он является конструктором летательного аппарата под названием «Интеграл». Эта машина имеет буквально космическое значение: она должна распространить власть Единого Государства на все мироздание и «интегрировать» самые разные явления в эту сферу. Безмерное преувеличение общественной задачи D-503 четко указывает на психический двигатель подобной мании величия: страх исчезнуть незначительным человеком в безличной массе. Страх перед исчезновением вызывает одновременно противоположную реакцию. Достижение поставленной Государством цели, а именно успешное завершение работы над «Интегралом», сокращает я до размеров навязанной извне роли, которая в точности отвечает социально ожидаемому поведению. Именно приближение чужой жизненной цели заставляет я принять оборонительную позицию и искать автономно дефинированный смысл жизни. В романе «Мы» эта альтернативная тема побега частных желаний представлена комплексом мотивов Старого Дома и Зеленой Стены. Поле напряжения в романе «Мы», генерирующее действие, можно определить следующим образом: D-503 находится в экзистенциальной дилемме между внешним давлением определенной социальной роли и внутренним дефицитом индивидуальности.

«Мы» может быть прочитан как документ психического «разрешения» этой принципиально неразрешимой дилеммы. «Разрешение» ситуации, на которое попадает D-503, состоит в расщеплении. Внутренняя логика замятинского романа обо-

сновывается тем, что галлюцинаторная работа фантазирующего субъекта включается именно в тот момент, когда D-503 грозит потеря индивидуальности в безусловном исполнении общественной роли — работа по созданию «Интеграла» находится в периоде завершения. Успех, однако, представляет опасность: награда социального признания, ожидающая конструктора, могла бы вытеснить старого «Адама» (3, 153) из самоспроектированного образа D-503. Однако уже в первой записи романа D-503 узнает себя одновременно как я и не-я, как индивидуум и как член коллектива (3, 114). Шизоидная обора D-503 может быть описана вслед за Рональдом Лэнгом (Ronald D. Laing) как образование двойного я. Для внешнего мира существует официальная личность, которая характеризуется в качестве социального субъекта частичной идентификацией с чужими образцами и интернализацией общественных норм. Эта официальная, общественно-видимая личность компрометируется в то же время в глазах индивидуума как раз неаутентичностью своих выставленных напоказ свойств. Поэтому официальной, «фальшивой» личности противостоит внутренняя личность, которая, однако, должна оставаться без каких-либо определяемых свойств, так как все свойства подозреваются в имитации.¹⁴ Между полюсами аутентичной, но диффузной внутренней личности, с одной стороны, и четко сформированной, но определяемой снаружи «фальшивой» личностью, с другой стороны, лежит поле шизофренического фантазирования.¹⁵

Рассказчик я дает четкое описание расщепления его личности перед классическим множительным инструментом, зеркалом:

«Я — перед зеркалом. И первый раз в жизни — именно так: первый раз в жизни — вижу себя ясно, отчетливо, сознательно — с изумлением вижу себя, как кого-то „его“. Вот я — он: черные, прочерченные по прямой брови; и между ними — как шрам — вертикальная морщи-

¹⁴ Laing R. D. Das geteilte Selbst: Eine existentielle Studie über geistige Gesundheit und Wahnsinn. Köln, 1994. S. 126—127.

¹⁵ Замятину было знакомо это переживание. В письме от 9.04.1906 г. он пишет: «Расколотый я человек, расколотый надвое. Одно „я“ хочет верить, другое не позволяет ему, одно хочет чувствовать, хочет красивого — другое смеется над ним, показывает на него пальцами... Одно — мягкое, теплое, другое — холодное, острое, беспощадное, как сталь... И оно побеждает, холодное, оно побеждало всегда — с тех пор, как я стал думать» (Scheffler L. Evgenij Zamjatin: Sein Weltbild und seine literarische Thematik. Köln; Wien, 1984. S. 24 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Bd. 20)).

на (не знаю: была ли она раньше). Стальные, серые глаза, обведенные тенью бессонной ночи; и за этой сталью... оказывается, я никогда не знал, что там. И из „там“ (это „там“ одновременно и здесь, и бесконечно далеко) — из „там“ я гляжу на себя — на него, и твердо знаю: он — с прочерченными по прямой бровями — посторонний, чужой мне, я встретился с ним первый раз в жизни. А я настоящий, я — не — он...» (3, 151).

С предельной психоаналитической точностью описывает рассказчик взгляд извне, из неопределяемого «там» на официальную личность, которая предстает перед ним чужой и «фальшивой». То, что позднее в той же сцене «фальшивое» отражение идентифицируется с другим лицом, а именно с поэтом R-13, свидетельствует о последствиях шизофренического переживания. Когда D-503 узнает, что R-13 также имеет отношения с его возлюбленной I-330, он нападает на эту «другую» личность:

«Я — настоящий — крепко схватил за шиворот этого другого себя — дикого — лохматого, тяжело дышащего. Я — настоящий — сказал ему, R: — Простите меня, ради Благодетеля» (3, 154).

То, что R-13 представляет собой не что иное, как отражение я рассказчика, видно также из его имени: «R» является графическим отражением личного местоимения «Я».¹⁶ Какое важное значение в рамках романа уделяется самовосприятию D-503 и восприятию его со стороны, показывает часто возникающий мотив глаз (160 упоминаний).¹⁷ Для шизофренического субъекта экзистенциально важно быть видимым. Формула, с помощью которой может быть поддержана фальшивая личность, звучит: *Esse=percipi*.¹⁸ Предельно ясное символическое выражение эта потребность находит в стеклянных стенах

¹⁶ См.: Pagnini S. I nomi dei personaggi nel romanzo «My» di E. I. Zamjatin // *Quaderni di lingue e letteratura*. 1977. N 2. P. 208. Sattinger Goldstaub D. Zamjatin's «Tame Dreamer» and the Conception of D-503 // *Slavic and East European Journal*. 1984. N 38. P. 351. В последнее время было показано, что уже в основу взаимоотношений треугольника D-503, R-13 и O-90 положена математическая символика их имен (см.: Andrews E., Lahusen Th., Maksimova E. On Sintetizm, Mathematics and other things: E. I. Zamyatin's Novel «We». С. 23—28). 13 является шестым простым числом, 503 — девяносто шестым, разница составляет 90. Кроме того, из сумм цифр числа образуется равенство по закону Пифагора: $(5+0+3)^2 + (1+3)^2 = (9+0)^2$. Равенство, однако, не сводится к: $64 + 16 = *81$. Не хватает как раз 1, а именно I-330.

¹⁷ См.: Parrot R. The Eye in «We» // Zamjatin's «We»: A Collection of Critical Essays. P. 107.

¹⁸ Laing R. D. Das geteilte Selbst: Eine existentielle Studie über geistige Gesundheit und Wahnsinn. Köln, 1994. S. 146.

квартир Единого Государства. D-503 ясно указывает на «подбадривающий» эффект положения наблюдаемого: индивидуум ощущает себя частью мощного организма (3, 134). В то же время эта жизненно необходимая потребность быть наблюдаемым является источником противоположного импульса. Видимость собственной личности относится лишь к одной части расщепленной личности, а именно к «фальшивой». Внутренняя личность, напротив, может найти себя лишь в сокровенном, укрытом от внешнего. Когда внутренняя личность подвергается воздействию чужого взгляда, это не только не является экзистенциальным подтверждением, но и, наоборот, экзистенциальной угрозой. Поэтому внутренняя личность последовательно пытается укрыться от внешнего. Во время посещения Старого Дома D-503 преследует постоянный страх быть застигнутым. Закрывание дверей и нахождение в закрытых пустых помещениях образуют в этой связи ключевой код поведения внутренней личности. Но и возвращение я к внутренней личности не может расцениваться как нахождение райского убежища. Опасность ситуации очевидна: я угрожает при исключении всех возможностей выражения соскользнуть в небытие. D-503 находит для выражения этого опыта в своих записях радикальную формулировку: «Я умер» (3, 174).

При подходе к тексту романа «Мы» как к продукту фантазии одного сознания отдельно взятые действующие лица не могут рассматриваться как автономные индивидуумы, но выступают как составные подчиненные части этого сознания.¹⁹ Внимательное прочтение и здесь помогает обнаружить тонкие текстовые сигналы. Во второй записи I-330 вводится посредством многозначного самовысказывания. D-503 замечает неизвестную женщину, которая обращается к нему со следующими словами:

«— Простите, — сказала она, — но вы так вдохновенно все озирали — как некий мифический бог в седьмой день творения. Мне кажется, вы уверены, что и меня сотворили вы, а не кто иной. Мне очень лестно...» (3, 116).

Этот фрагмент может быть прочитан как простая насмешка над галлюцинирующим D-503, однако такая трактовка засло-

¹⁹ В статье «О языке» Замятин указывает на важность способности эпического автора к умножению его личности: «Лирик переживает только себя; эпик — приходится переживать ощущения десятков, часто — тысяч других, чужих личностей, воплощаться в сотни и тысячи образов» (4, 374).

няет взгляд на предложенную здесь интерпретацию.²⁰ Если отнестись к этим словам всерьез и действительно принять I-330 за порождение игры ума D-503, то действие романа неожиданно выигрывает в психологической убедительности.²¹ I-330 представляет собой запретный объект желания.²² В математически организованном мироощущении D-503 I-330 играет роль иррационального числа (3, 118): ее имя можно, с одной стороны, вывести из корня $-1=I$ (3, 137), с другой стороны, из иноязычного, а именно английского, обозначения для местоимения «я».²³ Уничтожение фантазии D-503 в конце романа последовательно ведет за собой и смерть I-330: с прекращением процесса фантазирования исчезает и объект фантазии.

Но текст романа представляет не только I-330 в качестве продукта фантазии. D-503 характеризует свою официальную сексуальную партнершу O-90 следующим образом:

«Так: будто я очень большой, а она — совсем маленькая — маленькая часть меня же самого» (3, 235).

O-90 все же исполняет в психическом хозяйстве фантазирующего сознания, в отличие от I-330, совершенно особую роль. В то время как I-330 отвечает в качестве *femme fatale* эротическому влечению D-503, O-90 удовлетворяет его желание законной любви, обеспеченной институционально и служащей продолжению рода.

Не только появление I-330 и O-90, но и их исчезновение связаны с процессом фантазирования D-503. После свидания I-330 необъяснимым образом исчезает из закрытого помещения:

«Вот — ясно вижу — еще покачивается старинное кольцо на ключе в двери шкафа, а I — нет. Уйти она никуда не могла — выход из комнаты только один — и все-таки ее нет. Я обшарил все, я даже открыл шкаф и ощупал там пестрые, древние платья: никого...

Мне как-то неловко, планетные мои читатели, рассказывать вам об этом совершенно невероятном происшествии. Но что ж делать, если все это было именно так. А разве весь день с самого утра не был полон невероятностей, разве не похоже все на эту древнюю болезнь сновидений?» (3, 161).

²⁰ Такой вариант прочтения находит поддержку и в следующем пассаже: «Она говорила как-то из меня, говорила мои мысли» (3, 130).

²¹ *Rosenshield G.* The Imagination and the «I» in Zamiatin's «We» // *Slavic and East European Journal*. 1979. N 23. P. 57.

²² *Barratt A.* The X-Factor in Zamyatin's «We» // *Modern Language Review*. 1985. N 80. P. 661.

²³ *Barker M.* Onomastics and Zamyatin's «We» // *Canadian-American Slavic Studies*. 1979. N 11. P. 555.

Именно невероятность происшедшего становится ярким признаком онтологического статуса романной действительности. D-503 сам произносит здесь ключевое слово: происшедшее с I-330 следует логике сна. Как только фантазирующее я окунается в глубины собственного сознания, появляется I-330 в определенном смысле как олицетворение внутреннего «икса»: «облачно, паутинно, и крестом — какой-то четырехлапый икс» (3, 127). И наоборот, I-330 исчезает со сцены действия романа, когда рациональное я доминирует над сознанием.

Появление и исчезновение O-90 еще более закономерно следует психическим потребностям D-503. Едва в голову D-503 приходит мысль об исполнении сексуального долга по отношению к O-90, как O-90 уже предстает перед ним как олицетворение укоров его совести. И наоборот: как только фантазирующее я ускользает в какую-либо другую сферу сознания, исчезает и O-90. В 25-й записи в сцене голосования D-503 внятно формулирует взаимосвязь между забыванием и исчезновением. O-90 появляется здесь на короткое время как вспышка мысли, но вниманием D-503 завладевает вновь диссидентское поведение I-330 во время большой демонстрации единогласия:

«И как на экране — где-то далеко внизу на секунду передо мной — побелевшие губы O {...}. И уже нет ее — смыта, или я забыл о ней, потому что...» (3, 205).

Другое указание на отсутствие цельности действующих лиц находим во фрагментарном характере описания их тел. Физическая интеграция лиц сокращается, как правило, до одной единственной части тела: R-13 состоит из негритянских губ, I-330 из икса на ее лице, Ю из жаброобразных щек, D-503 из мохнатых рук.²⁴ То, что на первый взгляд напоминает классический гротеск в гоголевской манере, обнаруживает в контексте проекции шизофренического сознания новую потенцию смысла: собственное тело воспринимается как чужое; телесная целость мыслима лишь в соединении рассеянных отдельных частей, которые еще предстоит собрать.²⁵

²⁴ *Russell R.* Literature and Revolution in Zamyatin's «My» // *Slavonic and East European Review*. 1973. N 51. P. 43.

²⁵ Сокращенное (метафорическое или метонимическое) изображение отдельных персонажей характерно для всего творчества Замятина (см.: *Pagnini S.* La descrizione dei personaggi nelle opere di E. I. Zamyatin // *Quaderni di lingue e letterature*. 1980. N 5. P. 117–137).

Поскольку различные действующие лица порождены творческой фантазией D-503 и существуют лишь благодаря письменной фиксации, то и рукопись романа становится интегральной составной частью фантазирующего я («этот мучительный — и может быть самый дорогой мне — кусок самого себя» — 3, 220). Парадоксальная двойственность «мучительно-го» и «самого дорогого» элемента я имеет симптоматическое значение: записывание собственных неустойчивых эмоций выполняет для D-503 двойную функцию: с одной стороны, письменный отчет показывает ему непрочность его личности, с другой стороны, рукопись обладает как раз тем свойством, недостаток которого столь мучительно переживает D-503, — она обеспечивает реальность прошедшего — «Да, это у меня записано. И следовательно, это было на самом деле» (3, 217).

3

Поле напряжения,двигающее действие в романе «Мы», конституируется центробежными устремлениями различных личностных инстанций фантазирующего сознания. Для продолжения действия ключевое значение имеет тот факт, что субъективное сознание беспомощно перед диссоциативным процессом. Оно может только регистрировать, но не контролировать.²⁶

В исследовательских работах по шизофрении с 1960-х гг. для такой неспособности анализировать различные требования отдельных психических инстанций на одном метауровне и соединять их между собой используется, как уже говорилось, термин *double bind*. Ситуация *double bind* конституируется посредством чреватого конфликтами соприкосновения двух взаимоисключающих дискурсов; говорящему невозможно одновременно разрешить возникающее противоречие на метакомму-

²⁶ В своей эротической связи с Людмилой Николаевной Усовой Замятин, по всей видимости, находился в схожей ситуации *double bind*. В письме от 15.10.1909 г. он описывает свою эмоциональную дилемму: «И я думаю о тебе все больше, и о том, что мне — так же как и тебе — да, все больше хочется жить вместе с тобой, хочется даже мелочей повседневной жизни — вместе с тобой. (...) И во мне остается другое. — Не хочу я обыкновенности, ни за что, никогда. Пусть это будет даже обычное счастье — я боюсь его. И все-таки я хочу его. И это желание уже владеет мною. Вот отчето говорю я „к сожалению“: к сожалению — люблю. Потому, что — оно владеет мною, а не я — им» (курсив в оригинале; Scheffler L. Evgenij Zamiatin : Sein Weltbild und seine literarische Thematik. S. 29).

никативном уровне. Авторы приводят в качестве примера ситуации *double bind* положение ученика Дзен, над головой которого учитель держит палку и говорит: «Если ты скажешь, что эта палка действительно существует, я ею тебя ударю. Если ты скажешь, что эта палка не существует, я ею тебя ударю. Если ты ничего не скажешь, я ею тебя ударю».²⁷

Нехватка дискурсивных возможностей D-503 проявляется через парадоксальную формулировку в знаменательном месте:

«Нет: к счастью — не бред. Нет: к несчастью — не бред» (3, 237).

Здесь *double bind* находит свое четкое словесное выражение. Сознание колеблется между двумя оценками, не решаясь остановиться на одной из них. Только насильственное прекращение процесса фантазирования разрешает и ситуацию *double bind*.

Интересно в подаче Замятина то, что он ситуацию *double bind* хотя и сохраняет внутрификционально, но дает читателю четкие разъясняющие намеки на внешнефикциональное решение *double bind*. Потребность D-503 в подчинении всех феноменов одному единственному монологическому дискурсу находит в конце романа последовательное подтверждение: его переживание сокращается после оперативного удаления фантазии до однозначного официального дискурса.

Именно ограниченность внутрификционального фокуса открывает читателю возможность увидеть внешнефикциональные лингво-философские и критические потенциалы «Мы».

Замятин обозначил этот прием как «ложное отрицание». Если текст ведет за собой очевидно бессмысленные заключения, читатель будет вынужден косвенно прийти к правильному решению поставленной проблемы.²⁸

«В авторской ремарке вы отрицаете что-нибудь явно вытекающее из всего предыдущего построения или делаете из построения явно ложный вывод и тем самым заставляете читателя с большой энергией сделать правильный вывод, запечатлеваете этот вывод в читате-

²⁷ Bateson G., Jackson D., Haley J., Weakland J. Auf dem Wege zu einer Schizophrenie-Theorie // Schizophrenie und Familie. Frankfurt a./M., 1978. S. 18–19.

²⁸ По поводу проблематики логического высказывания в отношениях между автором и протагонистом (Замятин и D-503) см. подробно: Петерс Й.-П. Я и Мы: Трансформация авторского «Я» в автора дневника в романе Е. Замятина «Мы» // Автор и текст: Сб. статей / Ред. В. М. Маркович, В. Шмид. СПб., 1996. С. 429–444 (Петербургский сборник, 2).

ле как бы после некоторого спора, а такие выводы — всегда прочнее» (4, 388).

Отвечая на анкету ленинградского Союза писателей о принципах художественного творчества, Замятин пишет:

«Сегодняшний читатель и зритель сумеет договорить картину, дорисовать слова — и им самим договоренное, дорисованное — будет врезано в него неизмеримо прочнее, встет в него органически. Здесь — путь к совместному творчеству художника и читателя или зрителя» (4, 307).

В романе «Мы» в качестве «неправильного» разрешения эмоциональной ситуации давления, в которой находится D-503, представляется его счастье, не знающее фантазии. Критической трактовке читателя остается понимание дилеммы D-503 как результата слабости его я. Именно лабильность я несет ответственность, с одной стороны, за живой процесс фантазирования, с другой стороны, за его «сращивание» тоталитарным дискурсом. В этом заключается лингво-философская особенность романа «Мы», которая, однако, остается скрытой от внутрификционального сознания: чем многообразней дискурсивные возможности субъекта, тем богаче его жизненный опыт.

Подобное понимание происходит посредством рецептивного акта, выстраивающего аналитический метадискурс над эксплицитными дискурсами романа. Только здесь слабость D-503 может освободиться от его патологизирующего самоанализа и получить оценку как выражение продуктивного «разрыва плавной эволюционной кривой» (4, 296).

Таким образом, роман Замятина может быть прочитан как нарративное выражение критической позиции, которая нашла свою наиболее четкую и известную формулировку в сочинении Замятина «О литературе, революции и энтропии» (1923).²⁹ Замятин выступает здесь за необходимость «еретических» позиций, без которых любая цивилизация застывает в догматической самоуверенности.³⁰ Не только в этом сочинении, но и в романе «Мы» (3, 219, 225) Замятин использует физическую метафору энтропии как шифр для грозившей униформированности мышления в современном обществе. В одном интервью

²⁹ *Sicher E.* The Last Utopia: Entropy and Revolution in the Poetics of Evgeny Zamiatin // *History of European Ideas*. 1991. N 13. P. 229.

³⁰ *Scheffler L.* Evgenij Zamiatin. Sein Weltbild und seine literarische Thematik. S. 60—67.

1932 г. Замятин ясно соотносит эту трактовку с романом «Мы». Одновременно он изымает свое произведение из русско-советского контекста и указывает на универсальное звучание своей дистопии.³¹

«Но я боюсь, что я болен еретичеством неизлечимо. Один из припадков этой болезни — мой роман «Nous autres» — я вижу у вас на столе. Близорукие рецензенты увидели в этой вещи не больше чем политический памфлет. Это, конечно, неверно: этот роман — сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства — все равно какого. Американцы, несколько лет тому назад много писавшие о нью-йоркском издании моего романа, не без основания увидели в этом зеркале и свой фордизм» (4, 16).

Но и эта трактовка проходит мимо собственно модернистского зерна «Мы». Литературная новаторская ценность романа заключается не в его мощном воздействии как предупреждающей притчи, но в его радикальном ограничении субъективистской презентацией романного действия. Таким образом в центр внимания выносятся наряду с описываемым и самописание. Тоталитарный мир, в котором существует фантазирующее сознание, представляет в рамках этой трактовки вторичный феномен. Самоощущение D-503 имеет своим истоком амбивалентную диспозицию собственной психики. На этот вызов D-503 отвечает сперва расщеплением собственного я на различные роли, затем самоусечением своей множественной личности.

С этой точки зрения «Мы» прочитывается как документ грозящего расщепления я и насильственного внутреннего принуждения. Этим не оспаривается общественно-политическое измерение романа. Предложенная здесь интерпретация скорее помогает определить другое измерение «Мы», описывающее самоощущение индивидуума в XX столетии как специальный случай коллективных организационных форм. Или, говоря литературно-исторически: в качестве контекста замятинского «Мы» выступают не только «Brave New World» Хаксли или «1984» Оруэлла, но и «Черный монах» Чехова.

³¹ *Гольдт Р.* Мнимая и истинная критика западной цивилизации в творчестве Е. И. Замятина // *Ежеквартальник русской филологии и культуры : Russian Studies. Études Russes. Russische Forschungen*. 1996. N 2. С. 325.